

ВЫ НЕ ВСТРЕЧАЛИ МЮНХГАУЗЕНА?

Более полувека работает на сцене актер Центрального академического театра Советской Армии Народный артист СССР В. М. ЗЕЛЬДИН. Более полувека Владимир Михайлович внимательно вглядывается в людей, в жизненные явления, создавая из этих наблюдений все более яркие роли. Актер, имеющий такой богатый опыт, наверное, может рассказать многое помимо того, что в концентрированном виде выносит он на сцену...

— Наблюдают столько времени взаимоотношения людей, не находите ли вы, что стали бы за последние десяток-другой лет светлее, черствее, равнодушнее друг к другу?

— Мне не хотелось бы, как это делают некоторые, сравнивать отношения между людьми сейчас и, скажем, в сороковые годы. Нельзя забывать, что тогда мы стояли лицом к лицу со страшной общей бедой. Сейчас же — обычная жизнь, совсем другая дело. Конечно, суетимся. И горестно, что в суетоке городов, мелочных заботах, абсурдной давке то и дело теряем крупницы участливости, человечности, доброты. А нередко — увя! — и духовности.

Задуматься бы на минутку, чтобы отделить главное от мелочей, отрешившись от забот о своем личном благополучии, подумать хотя бы о ближних, поискать пути друг к другу... Да все в заботах как-то не выдается этой минутки.

Наверное, поэтому я особенно радуюсь происходящим в нашем обществе переменам. Ведь перестройка предполагает отнюдь не только экономические реформы, но и заботу о нравственности, духовности нашего человека.

— Собственно, ваш Мюнхгаузен, который вышел на сцену задолго до телефильма, и есть пример противостояния одухотворенной личности миру бездуховности. Он не только расцветивает яркими и добрыми фантазиями свой мир, но и щедро приглашает в него всех желающих. Нужно только отречься от шаблонов ограниченности...

— Я тоже люблю эту роль. И хочу вернуться к ней уже в другом сценическом варианте. Создать какой-то мини-спектакль, эссе... Очень хочется, чтобы зрители чаще узнавали моего Мюнхгаузена в своих приятелях, соседях по лестничной площадке, прохожих. Ведь воспитание высокой нравственности, побуждение к развитию духовности, по-моему, жгучая проблема дня. Сейчас мы часто говорим о профессионализме. Мне кажется, чаще нужно говорить об интеллигентности людей. Прекрасный профессионал может быть скверным человеком, употребляет свое умение во зло. Настоящий интеллигент не может позволить себе быть плохим профессионалом, небрежно делать свое дело.

Помню, съемки фильма «Свинарка и пастух» мы заканчивали уже во время войны. Работали в две смены, отдыхали в основном в убежище во время бомбежек. И вдруг режиссеру Ивану Александровичу Пырьеву не понравилось, как мы сделали одну довольно крупную сцену. Тогда на экстремальные условия можно было списать все что угодно. Можно было оправдать любое снисхождение к себе. А Пырьев не мог. В экстремальных условиях мы перенесли всю неудавшуюся сцену.

— Стало быть, та романтическая лента и рождалась в небудничной обстановке — тоже, можно сказать, романтической?

— Что вы! Какая же это романтика — война! Впрочем, на этом стоит остановиться: у нас бывает слишком много ложного в понимании того,

что такое романтика. За ней ехали на целину, на строительство БАМа, на Крайний Север... Чепуха все это. Туда можно ехать, чтобы проявить и проверить свои силы, мужество, волю. Словом, за чем угодно, но не за романтикой. Романтика — она всегда здесь, рядом с нами. Точнее, внутри нас. Она в отношении к своему делу, к людям, к природе, в отношениях юноши и девушки, мужчины и женщины... Романтика — это состояние души, расцветивающее яркими красками все вокруг, всю жизнь, делающее радостным труд, общение, встречи. Это состояние нужно суметь найти в своей душе, незвизывая на прозу жизни, неустроенность быта, на очереди, раздражение... Если не умеешь найти, воспитать в себе это состояние, то за ним бесполезно ехать куда бы то ни было. Ни на каком краю земли его не отыщешь...

— А может быть, это как раз связано с романтизацией своего труда?

— Что ж, если вы примете мои соображения как романтизацию, а не как желание поворчать, то я постараюсь объяснить причину.

Разрушение прежней эстетики, наверное, пошло от желаний принести на сцену «правду жизни». Но вместо глубоких, правдивых, захватывающих конфликтов понесли на сцену шелуху, пустую подделку под жизнь, внешние и далеко не лучшие ее приметы и признаки. В одежде, манерах, поведении героев. Была, полагаю, в этом и благородная цель: показать, что в человеке под этой шелухой может скрываться доброта, честность, порядочность и многие другие прекрасные качества. Но результат, по-моему, получился обратный. Почему, мол, я, рассуждали некоторые, не могу плевать на пол, ковырять в носу, грубить

женщине и так далее, если это делает положительный герой на сцене?

В ложности таких подделок под «народ», под «настоящую жизнь» я не раз убеждался во время поездок по стране. Знаете, даже в глухих далеких деревнях встречалось много по-настоящему интеллигентных, деликатных, хотя порой и малограмотных людей. Это мудрые от природы, нравственно чистые люди, разговаривать с которыми просто наслаждение. Так вот, никто из них не кичился плохими манерами, не выставлял напоказ неумение держать себя в обществе. Если действительно что-то не умели, старались как-то скрыть это, научиться. И, я считаю, наш долг — не подделываться под псевдопростоту, а учить людей со сцены эстетике естественного поведения...

— В чем же вы видите нынешние задачи драматической сцены?

— Сейчас, в условиях перестройки — в воспитании порядочности, высокой ответственности перед своей совестью. Чтобы врач не мог позволить себе плохо лечить, инженер — неграмотно строить, директор завода — губить промышленными отходами озеро или лес и так далее. Я как актер театра Советской Армии особенно болезненно воспринимаю газетные публикации о всяких скверных происшествиях в войсках. Как-то даже написали, что один военный оружие продал...

И недостаток профессионализма, и особенно проступки и преступления — это все от недостатка внутренней воспитанности. Потому мне очень хочется сыграть роль офицера, такого, каким он должен быть. Не замкнутого на своем профессионализме специалиста, а человека интеллигентного, всесторонне развитого,

с отличными манерами. Словом, такого, который, как говорили прежде, вызывал всеобщее уважение мужчин и восхищение дам...

— Вы так уверены в силе положительного примера?

— А вы допускаете большую ошибку, если сомневаетесь. Мы бываем со спектаклями в воинских частях, и там приходится встречаться со скептиками-политработниками. Театр, мол, — это бездумный отдых. Так вот, я не раз убеждался, что артист за два часа может сделать с солдатом то, что этот же политработник не сделает за два года своими лекциями и задушевными беседами...

— Вам мешает, очевидно, общая беда всех театров — нехватка современного драматургического материала?

— Есть, конечно, такая проблема. Но театры, мне кажется, зря возводят ее в высокую степень. Дело в том, что некоторые коллективы довольно долго жили за счет публицистики, говоря со сцены о том, о чем еще не писалось в газетах. Сейчас этот номер не проходит — театру не угнаться за газетой. Пьесы такого рода устаревают, не успевают даже дойти до сцены.

Перестраиваться нужно, в глубину жизни заглядывать. Конечно, в современной пьесе зритель легче узнает ситуацию, свои проблемы, окружающих. Но не обязательно ждать такой пьесы. У нас ведь много и прекрасной классики. Дело сейчас не столько в том, что ставить, сколько в том, как ставить. Нужно постараться, и тогда своих знакомых зритель узнает и в героях Пушкина, Гоголя, Грибоедова... У театров могут меняться только тактические задачи, а стратегические вечны, как сама жизнь.

Гостя расспрашивал
В. КОРШУНОВ.